

**Марианна
ДУДАРЕВА**

г. Москва

Апофатический¹ Пушкин, или

Об одном стихотворении Валерия Дударева

Казалось бы, за сто лет пушкинистики, ее достижений, почти невозможно сделать сверхоткрытие относительно творчества великого поэта. Однако с появлением в нашей гуманитаристике работ об апофатике русской литературы и культуры² изменился во многом и взгляд на само творчество, и поэтическое вещество стало восприниматься с онтологических позиций. Историко-литературное описание, биографический метод скоро изживут себя, поскольку усилиями советского литературоведения мы узнали достаточно о личности того или иного художника слова, чтобы иметь о нем суждение на этом уровне. В творчестве каждого большого поэта обязательно найдется произведение, которое не подвластно биографическому комментированию и требует имманентного прочтения. Примером такого стихотворения может служить «Зимняя дорога» А.С.Пушкина, к которой в последнее время исследователи снова проявляют большой интерес, на что указывают работы как на русском³, так и на английском языках⁴, работы как литературоведов, так и культурологов. Напомним текст:

*Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.*

*По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.*

*Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...*

*Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне.*

*Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.*

*Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.*

*Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик⁵.*

Исследователи справедливо делят стихотворение на две смысловые части, первая касается санного снежного пути, вторая – долгожданной встречи с милой. Казалось бы, ответить на привычный школьный вопрос, о чем это стихотворение, можно так: о зимней дороге, которая ведет к любимой. Однако и неискушенный читатель, и исследователь чувствуют даже на эмпирическом уровне, что этот текст таит в себе намного больше, и, кроме того, он продолжает жить и сегодня в литературном творчестве разных авторов⁶. В пушкиноведении это стихотворение принято рассматривать в контексте других стихов, в которых воплотился мотив дороги, мифологема пути⁷ («Телега жизни», 1823), или зимнедорожного цикла⁸ («Зимний вечер», 1825). Исследователи делают акцент в первую очередь на биографических моментах, связанных с многочисленными поездками и путешествиями самого поэта по России⁹. Но никакой реальный комментарий не поможет постичь нам ускользающий апофатизм пушкинского творчества. В чем же он проявляется?

Во-первых, мы сразу же сталкиваемся с изначальной, архетипической ситуацией – лунным пейзажем, который является семантически заряженным и ритуально значимым в художественной лаборатории поэта, и этот пейзаж связан с женским архетипом, например, Татьяной, поворотные моменты в судьбе которой освещены лунным светом¹⁰. Во-вторых, оказывается важной пространственная модель: лирический герой не просто путешествует по пустынной дороге, а едет по тихому зимнему полю. Для русского космо-психологоса, как единства природы (Космос), характера народа (Психея) и склада мышления (Логос), это тоже принципиально значимо в контексте традиционной народной культуры, апофатизма равнины¹¹. Зима не просто соотносится с замиранием всего живого, но и потенциально связана с миром мертвых: в жанре обмираний душа, попадая на «тот свет», оказывается на заснеженной поляне, в зимнем пространстве: «Тот человек подвел меня к порогу, я оглянулась на пороге и,

как вышла в сенцы, так и загорелась вся, как загорается бумага. И поднялась вверх, а потом опустилась и стала на снегу»¹². Вспомним тут и сон Татьяны, которая идет по «снеговой поляне // Печальной мглой окружена»¹³ и набредает на шалаш убогой (разбойничий дом). Исследователи, указывающие на балладное начало зимнедорожных стихотворений Пушкина, также обращаются к фольклорной эстетике, жанру баллады, одним из компонентов которой в бытийственном, онтологическом плане является дорога, разделяющая мир живых и мертвых¹⁴. И казалось бы, с точки зрения фольклорной логики, пушкинский герой стремится пережить и прожить скучный, грустный санный путь, чтобы скорее приехать к милой, и тогда зимняя дорога соединяет пространство поля, глуши, потенциально связанное с топосом – устойчивым образом «того света», и мир живых, ассоциируемый с миром возлюбленной, дома, камина. Но фольклоризм Пушкина носит особый характер, и, по замечанию Д.Н. Медриша, поэт нередко отходит от традиции, вступая с ней в спор: «...если случаи «открытого» фольклоризма (описание обрядов, фольклорные эпиграфы, явные цитаты) с достаточной полнотой учтены и рассмотрены пушкинистами, то фольклоризм скрытый, глубинный, когда народные представления проникают в «нейтральные», казалось бы, картины и эпизоды, растворяясь в авторской речи и в результате становясь существенным элементом поэтики, зачастую остается незамеченным»¹⁵. В данном стихотворении нарушение фольклорной логики связано с образом загадочной Нины, над которым задумываются почти все исследователи, пытаясь отыскать прототип, реальный или литературный. Но дело здесь не столько в литературном образе, например, Нины Воронской из «Евгения Онегина» или Нины из поэмы Боратынского «Бал», сколько в онтологическом и аксиологическом – ценностном статусе героини.

Нина вписана в инобытие, она метафизическая сопричастна ему, по справедливому наблюдению В.П. Океанского и Ж.Л. Океанской¹⁶. Нина – идеальная спутница, идеальная возлюбленная, образ которой станет одним из осевых для русской литературы начала XX века, эстетики модернизма¹⁷ (Незнакомка, Прекрасная Дама, София у Блока; Та, которой в мире нет, у Есенина; Световая возлюбленная у Платонова). Если поэзия начала некалендарного века была открыта мифу и фольклору, а поэты занимались мифотворчеством, в чем выразилась их жизненная установка, то для Пушкина преданья старины

глубокой настолько были органичны, что иногда трудно разделить историческое, бытовое и бытийное, надмирное.

Но здесь стоит вспомнить о немецких романтиках, о Новалисе с его «Гимнами к ночи», в которых Лик возлюбленной проявляется на темном небе: «Сгинуло земное великолепье вместе с моею печалью... Облаком праха клубился холм – сквозь облако виделся мне просветленный лик любимой»¹⁸. Ночь является не столько хаосом, сколько стихией неформленной материи, и ее может упорядочить Эрос: «По Новалису, хаос должен быть разбужен Эросом...»¹⁹ Стоит отметить, что немецкий романтик своей эстетикой ночи, ночного сознания оказал большое влияние на современников Пушкина. Приведем изречение В.А.Жуковского, размышляющего о темном таинственном прекрасном, которое действует скрытым образом на душу человека: «Жизнь наша есть ночь под звездным небом; наша душа в лучшие минуты бытия открывает сии звезды, которые не дают и не должны давать полного света, но, украшая наше небо, знакомя с ним, служат в то же время и путеводителями на земле»²⁰. Одним из таких просветленных моментов человеческого бытия выступает любовь, Эрос космического порядка.

С ночью у Новалиса также связан и образ подлинного света, который можно узреть, только сняв покров, «пелену» (die Binde), и это не случайно, поскольку «многие мотивы из «Гимнов к ночи» Новалиса восходят к христианской тематике»²¹. Итак, Эрос объединяется со Светом, который носит апофатический характер, то есть это Свет неявный. У Пушкина таким Светом наделен образ Нины, о которой и знать ничего не следует, кроме как то, что к ней устремлен в думах лирический герой, когда он и в пути, и с милой дома:

*Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.*

В. П. Океанский и Ж. Л. Океанская предполагают, что стрелка часовая, совершая круг и возвращая героя к сакральному часу, к полночи, к объятиям милой, в данном случае символизирует онтологический момент²². Это правомерное тонкое наблюдение хотелось бы дополнить еще одним суждением: в стихотворении лирический герой дважды обращается к Нине, и, самое интересное, последняя строфа завершается обращением не к возлюбленной, не воспоминанием о до-

машнем очаге, а безмолвным диалогом с Ниной. Образ Нины сопряжен с лунным пейзажем, связан с ночным временем, и, вероятно, лирический герой, даже оказавшись дома, будет пребывать в ожидании полночи: «полночь нас не разлучит», не разлучит героя и Нину, идеальную возлюбленную, отодвигая на второй план бытовую действительность, докучных гостей, домашние дела и даже милую. Вспомним есенинское «Едет, едет милая, // Только нелюбимая»²³. Для русского варианта Эроса, как показали работы Г. Д. Гачева, преобладающим, доминантным является тип именно невоплощенной, неразделенной любви²⁴. Исходя из таких представлений о национальном варианте бытия, вполне можно предположить, что перед нами именно две героини и действительно стоит разводить милую и Нину. Именно поэтому в последней строфе возникает новая ипостась луны – луна на убывание, прудутренняя луна:

*Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.*

Ямщик устал от дороги и смолк, луна исчезает в тумане, и с ней, вероятно, исчезает и Нина – до следующей полночи (молчание в традиционной культуре связано с «тем светом», «тишина, молчание становятся универсальными атрибутами, маркерами всей сферы смерти»²⁵). Апофатизм ситуации заключается в том, что лирический герой приобщается к знаниям ноуменального, сверхчувственного, недоступного прямому восприятию и познанию мира, только ночью, когда пропадает суeta дня, вместе с гостями и даже милой, но земной возлюбленной, и тогда появляется идеальный спутник поэта, Нина.

Героиня, как отмечают исследователи, достаточно абстрактна, имя Нина помогает создать образ женщины, которой нет²⁶, и мы не можем о ней ничего сказать, но нам и не нужно – важны ее онтологический статус и сопричастность метафизическому пространству. Именно она и олицетворяет тот невидимый свет звезд, луны, о котором писали в своих дневниках Жуковский и в «Гимнах к ночи» Новалис.

Апофатическая реальность также проявляется на языковом уровне через неопределенное местоимение «что-то», которое, по наблюдению И.И.Ковтуновой, несет семантику невыразимого в поэтическом языке русской литературы²⁷. Что-то слышится родное для лирического героя в песнях

ямщика, и в этом что-то всё и ничего одновременно – и тоска, и веселье. Но эти два полюса уравновешивают друг друга, и пушкинский герой снова возвращается к исходной точке, к безвременью, попадая в пространство глуши, то есть отдаленного глухого места, семантически связанного с представлениями о «том свете». Обращает на себя внимание в этом аспекте невременности, выпадения лирического героя из линейного времени и бытового пространства фольклорное речение, использованное поэтом в модифицированном виде: «Я забудусь у камина, // Загляжусь не наглядясь». В русском языке глагол перцептивного состояния, состояния непосредственного восприятия мира, «глядеть» требует в пару глагол действия – предикат «не наглядеться»²⁸, и все тогда было бы верно с точки зрения языка в стихотворении, но у Пушкина употреблен глагол «заглядеться», который характеризует взгляд лирического героя с другой стороны, а именно как бы созданной воображением, имажинативной, онтологической. Герой как бы смотрит не на объект, милую, а за объект: заглядывается, забывается, уходит в иную действительность. Здесь справедлива гипотеза из статьи В.П. Океанского и Ж. Л. Океанской о том, что в стихотворении разворачивается антисюжет: «зимняя дорога» воплощает санный, предсмертный путь от любимой, от Нины, к милой, к быту²⁹.

Сегодня в современной поэзии пушкинский сюжет «Зимней дороги» также продолжает жить. По справедливым наблюдениям специалистов, «для русской культуры фигура Пушкина стала той аксиомой, которая принимается на веру просто потому, что без нее невозможны все последующие построения»³⁰. Так, без пушкинского контекста невозможно понять и стихотворение современного поэта Валерия Дударева.

Ни огня, ни черной хаты...
Александр Пушкин

*Все дальше в северную сторону
Влекут созвездия меня,
Где по ночам раздолье ворону
И нет ни хаты, ни огня,*

*Где время памятью не связано,
Во всем покой и пустота,
И слова доброго не сказано
Про эти гиблые места.*

*Лишь одинокая встревоженно
Скрипит задумчивая ель,*

*Прожив лет триста, как положено
Прожить за тридевять земель,*

*Лишь потаенное сияние
Навстречу северной луне
Мелькнет, как память, как страдание,
И оборвется в тишине,*

*Страстей и сроков человечества
Загадку вечную храня.
Быть может, там и есть Отечество.
По крайней мере, для меня³¹.*

На первый взгляд, в этом стихотворении нет любовного подтекста, как в пушкинском, но здесь также возникает загадочный образ апофатического сияния, который становится осевым в лирическом тексте. От чего исходит это потаенное сияние? Явно не от луны, это не ее блеск, поскольку это сияние как бы движется навстречу северной луне. От сосны ли оно? То же нет, сосна стоит неподвижно, а сияние мелькает, мерцает, храня загадку человечества, его страдания и страсти. Этот Нетварный свет может быть связан с идеальной возлюбленной, образ которой возникает в другом апофатическом стихотворении В. Дударева «Сосна»³². А может быть, он исходит от второго светила, восходящего солнца, поскольку встреча двух светил, дня и ночи, обуславливает момент безвременья, и тогда можно поставить вопрос о возникновении света вечернего и не вечернего³³. Неслучайно поэт взял эпитафией пушкинское «ни огня, ни черной хаты...», указывающее на ночь в тотальном ее проявлении, а также и на пограничный час, убывание этой ночи. Такое время, по наблюдению Л. С. Выготского, самое пугающее в мистическом отношении: «Перед самым рассветом есть час, когда пришло уже утро, но еще ночь. Нет ничего таинственнее и непонятнее, загадочнее и темнее этого странного перехода ночи в день»³⁴. Место, куда устремлен лирический герой Дударева, также не определено, оно не значит на географической карте, оно лежит за пределами данного, на что указывают следующие строчки:

*И нет ни хаты, ни огня,
Где время памятью не связано,
Во всем покой и пустота,
И слова доброго не сказано
Про эти гиблые места.*

Даже словом не освещено это место, то есть оно не проявлено даже в Логосе. Только задумчивая ель как Ось Мира охраняет этот иномирный топос. Здесь оказывается важным и упоминание фольклорного тридевятого царства, связанного с «тем светом». И смертельный подтекст действительно проявляется в стихотворении: по законам мифо-ритуальной логики, герой, добравшись до Мирового Древа, перерождается, возрождается в новом качестве, а сам путь героя к Мировой Оси представляет из себя смерть-путь, отражая «идею посещения потустороннего мира с целью ликвидации исходной ущербности или достижения максимальной гарантированности существования»³⁵. В дальней северной стороне, куда следует лирический герой звездным путем, он обретает Отечество. Концепт «отечество» обычно рассматривают в патриотическом дискурсе нашей лингвокультуры, что правомерно, поскольку отечество синонимично родине, государству и вызывает ассоциативный ряд, связанный со служением этому государству. Но исследователи, цитируя суждения Блаженного Августина из его труда «О Граде Божиим» об отчизне небесной и земной, также указывают на амбивалентность данного концепта, его семантическую напряженность, которая заключается в онтологическом смысле слова «отчизна»³⁶.

Пространственно-временная модель стихотворения Дударева схожа с пушкинским хронотопом «Зимней дороги»: в обоих стихотворениях представлена мифологема безвременья, встречи ночи и дня, которая парадигматична образу луны, Идеальной возлюбленной, обладающей метафизической сопричастностью. Пушкинский герой проживает свою зимнюю дорогу как инициационный путь, и его помощником, своего рода чудесным проводником выступает Нина, кроме того, лирический герой «Зимней дороги» отказывается от материальных благ, домашнего комфорта в кругу милой и гостей ради своей Идеальной возлюбленной, и в этом состоит уже его метафизическая сопричастность; герой стихотворения Валерия Дударева также влеком знаниями ноуменального мира, следует по пути небесных светил, стремясь выйти за пределы данного (северная сторона как край света в стихотворении), обрести свое подлинное Отечество через отказ от земного счастья и познание страданий и сроков человечества. В стихотворении современного поэта, созданном через двести лет после хрестоматийного пушкинского, также воплотилась апофатическая традиция, свя-

занная в русской литературе во многом с образом света вечернего и невечернего, ночным созданием и его полусветом, который в последнее время все чаще привлекает исследователей отечественной словесности³⁷. С апофатическим светом, который как бы априори нельзя объяснить, связано ноуменальное пространство в творчестве, через этот Нетварный свет, присущий русской иконе, о чем писал еще О. П. Флоренский, выразилось инобытие русской поэзии.

Нередко апофатично не только творчество поэта, иногда и его жизненный путь непонятен, необъясним для многих людей. Таким был житнетворческий путь и русского поэта Валерия Дударева, о котором мы знаем и все, и ничего одновременно. Он двадцать два года прожил во служении у легендарного литературного журнала «Юность», воспринимая журнал как метафизическое существо, возвращая его в нелегкие для страны перестроечные годы, выпустил под своим началом, возглавляя издание, более 150 номеров. Но он также всю жизнь прожил на «Речном вокзале», не зная и не ведая собственного возраста, и коллеги по перу даже хотели выбить на надгробии две даты – 1963/1965 гг., и в этом также была бы метафизическая сопричастность великим. Ведь не знаем же мы до сих пор точной даты рождения Данте Алигьери, которого тоже так любил Валерий Дударев. Но сегодня все меты, все даты по-цветаевски как рукой сняло! Осталась апофатическая непознанность зимней дороги Пушкина, зимней дороги Дударева, чей дух холодным декабрем остановился в Брянске, в Овстуге, на сельском кладбище, для вечной беседы с сильными мира сего. Дударев, который любил вспоминать на своих литературных встречах и семинарах известную пушкинскую формулу о том, что поэт живет по законам, им самим созданным, абсолютно прав в своем знании-незнании жизни. А что же нам тогда, господа литературоведы?

Стихи Валерия Дударева

119

ПОЭТЫ

Мы, поэты последнего ряда,
Допиваем прокисший абсент.
Мы – ваш Дант в дебрях рая и ада,
Вашей жизни последний момент.

Серебра нам с тобой не досталось,
Да и золото тут не в чести –
Но надеемся, самую малость,
И колосья сжимаем в горсти.

Соберём семена и коренья,
И, путём продвигаясь зерна,
Мы роняем стихотворенья,
Словно шишки сосна.

Нам и ворон – благая примета,
И княжна – придорожная б...
За сто первый лесной километр
Нас положено отселать.

Мы – полынь!
Мы – Путивль!
Мы – Непрядва!
Мы – надгробий чужие цветы –
Самозванцы последнего ряда,
Прощельги последней черты.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Моим стихам, написанным гортанно,
Как цокот птичий, засвист трелевой,
Не достает ракетниц и фонтана
И новгородской свары вечевой.
Филолог-Бог, кудесница Марина,
Когда птенец проклюнется вот-вот,
Моим стихам не то что магазина –
Листа бумаги даже не найдет.
В них птица вещая – привычная ку-ку,
Как дата смерти на чужом веку.
Поэт не Жуковский и царь не лесной,
Чьи дочери-ветлы – чужой стороной.
Мой Царь Лесной, а вдруг... и Вы нам
Земных забот?
Моим стихам, моим грехам и винам
Найдется свой народ.

СОСНА

Осталась жизнь, осталась тайна
Непостижимая одна.
Своей минуты увяданья
Ждала сосна.
Ее смола янтарно, сочно
Одoleвала тьму и мглу.
И всем понятно – вот же солнце

К земле стекает по стволу.
Чужие люди подходили
К ней новогоднюю гурьбой,
Но тайны этой не открыли
И мы с тобой.
Когда с обрыва мчатся сани,
Когда лыжни обнажены –
Тогда вот кажется в тумане,
Что нет – и не было сосны.

ТРИПТИХ

1. Ворон

Ты сегодня полюбишь другого –
Снова станешь бодр и одна.
Во вселенной метельева гона
Ненасытная зреет луна!

Ты полюбишь его в одночасье,
Задыхаясь в пророчьем бреду.
Так чужое, надменное счастье
Подбирают себе на беду!

Будешь ждать,
украшенья срывая,
Что тебя он своей назовет,
И не слышать за лязгом трамвая,
Как по Угличу ворон идет.

2. Углич

Ты теперь не полюбишь, как птицу,
Одинокую, черную Русь –
Безмужичьи, каленые лица
Уцелевших в эпоху бабусь.

Не отведаешь горклого слова
Возле райских кремлевских ворот.
Виждь!
На Вологде плачет корова,
А по Угличу ворон идет!

Виждь!
На лунном костре беспредела
В хороводе язычьей тоски
Золотое коровино тело
Раздирает страна на куски!

Разлетаются пенные краски,
И невольничьи манят торги
В непролазные, жаркие ласки
Вековой Пугачевой пурги!

3. Свидетель

Провожая рябин озаренье,
В недогляд,
в недомол,
в недород

Сквозь смятенье,
смиренье,
прозренье,
Сквозь поэтом недожитый год,
Как царевича мука и зренье,
Вифлеемское помня мгновенье,
К нам по Угличу ворон идет!

Примечания

¹ Апофатический путь познания Божественного начала предполагает отрицание любых доступных определений для этого начала, это своего рода путь незнания, когда открытие священного инобытия, или иерофании, по терминологии М.Элиаде, осуществляется через молчание, тишину, которые наступают в момент безвременья, вневременности встречи света вечернего и не вечернего, дня и ночи.

² См., например: Елепова М. Ю. Эстетика В. А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. 2012. № 4 (22). С. 176-178; Ретеюм А. Б. Апофатический путь русской поэзии // Материалы шестой научно-практической конференции, посвященной наследию Ю. П. Кузнецова. М.: Моск. культурно-образовательный центр при Литературном институте, 2013. С. 28-33; Михайлова М. Ю. Художественная апофатика русского фольклора // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 2. С. 472-476; Dudareva M. Apophatic elements in the poetry of S. A. Yesenin: Thanats' characters // AMAZONIA INVESTIGA. 2019. Vol. 8, N 22. P. 51-57.

³ Океанский В. П., Океанская Ж. Л. «Млечная дорога» – от Пушкина к Бальмонту // Солнечная пряжа: научно-популярный и литературно-художественный альманах. Шуя: Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2020. Вып. 14. С. 16-22.

⁴ Nenarokova M. R. A. S. Pushkin, «The Winter Road»: the Poem's Reception in the English-Speaking World through the Mirror of Close Reading // Philological Class. 2019. N 2 (56). P. 22-30.

⁵ Пушкин А. С. Зимняя дорога // Собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 309.

⁶ Сухих О. С. Пушкинские мотивы в романе Л.Юзефовича «Зимняя дорога» // Культура и текст. 2018. № 1. С. 39-51.

⁷ Ходанен Л. А., Озерова А. В. Мотив дороги в лирике А. С. Пушкина 1820–1830-х годов // Вестник КемГУ. 2008. № 2. С. 202-205.

⁸ Козубовская Г. П. Пушкинский зимнедорожный цикл: балладный пласт // Культура и текст. 2017. № 1 (28). С. 98-124.

⁹ Ходанен Л. А., Озерова А. В. Указ. соч. С. 202.

¹⁰ Смирнов В. А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX века): Пушкин. Лермонтов. Достоевский. Бунин. Иваново: Юнона, 2001.

¹¹ Океанский В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. Иваново: ШГПУ, 2010. С. 241.

¹² Полный текст обмирания воспроизведен в монографии: Петрухин В. Я. Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 363.

¹³ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 5. С. 90.

¹⁴ Козубовская Г. П. Указ. соч. С. 100.

¹⁵ Медриш Д. Н. Народные приметы и поверья в поэтическом мире Пушкина // Московский пушкинист III. Ежегодный сборник. М.: Наследие, 1996. С. 110.

¹⁶ Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Указ. соч.

¹⁷ Малыгина Н. М. Образ идеальной возлюбленной в творчестве Сергея Есенина и Андрея Платонова // Есенинская энциклопедия. М. – Константиново–Рязань: Пресса. 2010. С. 387-404.

¹⁸ Новалис. Гимны к ночи: пер. с нем. М.: Энигма, 1996. С. 53.

¹⁹ Керашева Ф. Н. Жанр сказки в творчестве А.С. Пушкина и Новалиса в аспекте проблемы мотива пути // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. № 1. С. 30.

²⁰ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13. С. 156-157.

²¹ Давыдова Е. В. Творчество Новалиса в контексте русской литературы XX века: дис. канд. филол. наук. М., 2001. С. 51.

²² Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Указ. соч. С. 19.

²³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука, 1995–2002. Т. 1, 1995. С. 224.

²⁴ Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 287.

²⁵ Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 126.

²⁶ Nenarokova M. R. P. 27.

²⁷ Ковтунова И. И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выраже-

ния в поэтическом языке XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX в.: грамматические категории: синтаксис текста. М.: Наука, 1993. Т.1 Вып. 2. С. 114.

²⁸ Авдевина О. Ю. Семантика «состояние в. действие» в содержании перцептивных глаголов // Известия Саратовского университета. 2012. Вып. 2. С. 10.

²⁹ Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Указ. соч. С. 20.

³⁰ Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2010. № 10. С. 205.

³¹ Дударев В. «Есть в России тихие долины...» // Север. 2013. № 9-10. С. 3.

³² Дударева М. Апофатический путь Валерия Дударева (о стихах последних лет) // Нева. 2020. № 5. С. 225-229.

³³ Брагинская Н. В., Шмаина-Великанова А. И. Свет вечерний и свет невечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 73-92.

³⁴ Выготский Л. Трагедия о Гамлете, принце датском, В. Шекспира // Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Левъ, 2015. Т. 1. Драматургия и театр. С. 96.

³⁵ Шиндин С. Г. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговоры. М.: Наука, 1993. С. 109.

³⁶ Мурзина И. Я. Концепт «отечество» в патриотическом дискурсе // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 40.

³⁷ Сендерович С. Я. Фигура сокрытия: Избранные работы. Т. 1. О русской поэзии XIX и XX веков. Об истории русской художественной культуры. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 169.

Марианна Андреевна ДУДАРЕВА (Галиева) —

литературовед, фольклорист, кандидат филологических наук.

Окончила Ивановский государственный университет

и аспирантуру филологического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова.

Автор более 150 научных статей о русской литературе.

Работала заведующей отделом литератур народов России и СНГ

журнала «Юность» (2017–2019).

Лауреат премии имени Владимира Лакшина (2017).

Преподаватель кафедры русского языка №2 ФРЯиОД

Российского университета дружбы народов.

Живёт в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

